

*Я написал эту книгу, чтобы помочь жертвам
и их семьям, которых подвели власти и системы,
призванные защищать их и помогать.
Чтобы сделать тайное явным, и обратить внимание
на многие нераскрытые дела, по которым
родным и близким так и не удалось добиться
правосудия. Именно им, а также всем жертвам
преступлений, виновники которых так и не были
обнаружены, посвящается эта книга.*

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ «КРОВЬ ВОПИЕТ ОТ ЗЕМЛИ»	9
1. НАЧАЛО	17
2. РАССЛЕДОВАТЕЛЬ	34
3. ИНТЕРВЬЮ С УБИЙЦЕЙ	66
4. УБИЙСТВО В ЛЕСУ	91
5. КРИМИНАЛИСТИКА СМЕРТИ	111
6. ПРЯЧАСЬ У ВСЕХ НА ВИДУ	125
7. КЛАДБИЩЕ	148
8. ОЧЕРЕДНАЯ СТРОЧКА СТАТИСТИКИ	159
9. ЖЕРТВЫ СЕРИЙНОГО УБИЙЦЫ?	172
10. СУДЕБНЫЕ ОШИБКИ: МИНДИ САНГЕРА, ЭНДРЮ КЕМП, ДЖИЛ ДАНДО, ОСКАР ПИСТОРИУС	192
11. СМЕРТЬ В ФЕНСКИХ БОЛОТАХ	213
12. ОХОТА ПРОДОЛЖАЕТСЯ	220
БЛАГОДАРНОСТИ	232
ОБ АВТОРЕ	237

ПРЕДИСЛОВИЕ

«КРОВЬ ВОПИЕТ ОТ ЗЕМЛИ»

(Книга бытия, 4:10, убийство Авеля Каином:
«И сказал [Господь]: Что ты сделал? Голос крови
брата твоего вопиет ко Мне от земли»)

Умирая, люди уносят с собой в могилу секреты. Если смерть связана с пропажей человека или где-нибудь обнаружен труп, занимающиеся расследованием люди начинают работу с изучения последних дней, недель и месяцев жизни этого человека. С помощью свидетелей собираем по кусочкам полузабытые разговоры, узнаем, где бывала жертва, с кем виделась, чем занималась. Так постепенно складывается мозаика прерванной жизни. Многие из распутанных нами нитей этого клубка так ни к чему и не приводят, но мы всегда стремимся вытянуть из них те, которые дают какой-то результат.

Когда жизнь человека внезапно и жестоко обрывается, его близкие — друзья, родные, коллеги — зачастую узнают о покойном больше, чем хотелось бы. Пожалуй, даже намного больше. Личная жизнь жертвы обнажается так, как вряд ли хотелось бы при жизни. Порой на то есть веские причины — их образ жизни мог быть одним из факторов, способствовавших смерти. Их половая жизнь, люди, с которыми они общались, места, где бывали, наркотики — все это

они держали при себе, в тайне от родных. Все эти детали, однако, даже если и не становятся непосредственной причиной смерти, играют важнейшую роль в расследовании.

Любое дело, за которое я берусь, начинается со слов: «Вы моя последняя надежда». По какой-то причине этих людей подвели все: полиция, судебная система, власти. Их оставили в беде.

Я занимаюсь своим делом с большим энтузиазмом: верю, что необходимо защищать невиновных, а виновных выслеживать и обличать, добиваясь суда над ними. Бывает, что иногда одновременно берусь за слишком много дел, перегружая себя и свою небольшую команду, но искренне хочу помочь нуждающимся в моих услугах. Я стремлюсь добиться наилучшего результата для каждого своего клиента, делая все возможное, чтобы люди могли быть услышанными, чтобы тайное стало явным.

Характер проводимых мной расследований чрезвычайно деликатен, поскольку необходимо всецело защищать конфиденциальность как источников, так и некоторых жертв, поэтому я старался не разглашать подробности своей работы.

**БОЛЬШИНСТВО КЛИЕНТОВ
ПРИХОДЯТ КО МНЕ СО СЛОВАМИ:
«ВЫ МОЯ ПОСЛЕДНЯЯ НАДЕЖДА».**

Мне казалось, что рассказывая, как я нахожу свидетелей и скрупулезно иду по следу, тем самым раскрою личности людей, которых обещал защитить. Когда меня расспрашивали о том, как работаю, обычно отвечал, что подхожу к делу деликатно, тщательно и решительно, используя самые простые методы расследования. Теперь же я стою на пороге волнующего нововведения, которое изменит судьбу дел о пропавших людях и нераскрытых убийствах в этой стране, и в его рамках пришло время рассказать о моих методиках.

Сейчас меня знают по большей части благодаря моей телепередаче «Расследователь». Для документального сериала «Раскрытие» я сделал сюжет, рассказывающий о преступлениях, совершенных Джимми Сэвилем. Мир узнал правду о масштабах его сексуального насилия, но это не единственный

человек, который вел себя подобным образом, были и другие. Часть из них, успешно скрывая свои злодеяния на протяжении многих лет, в итоге предстали перед судом. Многие знаменитые люди совершали преступления, хоть и не обо всех известно общественности.

Меня просят расследовать дела разного рода, и я бы взялся за большинство из них, за исключением разве что дел о врачебной халатности. Но ограниченное время и ресурсы этого не позволяют, и большую часть работы занимают расследования о пропавших людях и нераскрытые убийства. По многим делам, над которыми я работал, преступление было совершено десять и более лет назад. С одной стороны, такие расследования могут быть трудоемкими (как правило, в моем распоряжении нет записей с камер видеонаблюдения и возможности поиска информации в социальных сетях, а порой нет и никаких улик, и результатов работы криминалистов, которые можно перепроверить), но, с другой стороны, они могут быть даже проще. За последние 10–15 лет методы работы полиции кардинально изменились в лучшую сторону, и в полицейских расследованиях преступлений, совершенных до этого, зачастую обнаруживаются пробелы, восполнением которых я и могу заняться. Мнения свидетелей, прежде скованных страхом или неоправданной преданностью, спустя десяток-другой лет иногда меняются, и они начинают говорить. Но чтобы это случилось, они должны знать, что расследование до сих пор не закрыто, и что кто-то готов их выслушать.

Я получаю так много писем, что приходится тщательно обдумывать, за какие дела браться. Так, например, недавно меня попросили помочь в розыске женщины, пропавшей почти 20 лет назад, — отправитель письма был сыт по горло безразличием со стороны полиции.

Автор другого письма тоже хотел найти человека, пропавшего приблизительно так же давно, но считал, что у полиции попросту нет средств, чтобы справиться с этой задачей. Он хотел, чтобы я занялся поисками на территории протяженностью сотни миль — от восточного побережья Англии до самой Португалии — причем, по его словам, дело было связано со многими громкими преступлениями последних 20-ти лет.

Еще несколько людей просили помощи в раскрытии убийств 30-летней давности, как в Великобритании, так и за рубежом. Один человек отсидел срок за убийство, но утверждал, что его осудили по ошибке — он хотел, чтобы я доказал его невиновность.

**СПУСТЯ ДЕСЯТИЛЕТИЯ ПОСЛЕ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ СВИДЕТЕЛИ
ПЕРЕСТАЮТ БОЯТЬСЯ
И НАЧИНАЮТ ГОВОРИТЬ.**

К огромному сожалению, я не в состоянии помочь всем, и тому могут быть разные причины. Может быть слишком мало информации для зацепки. Либо преступление было совершено настолько давно, что полиция уже уничтожила все вещественные доказательства, а главные свидетели давно умерли. К несчастью, у меня нет и нужных ресурсов, чтобы браться за дела, тянущиеся 20 или 30 лет. Приходится думать о людях, которым, как мне кажется, я могу помочь, о делах, за которые взялся. Я не могу расплывать усилия на множество дел — так мне вряд ли удастся помочь хоть кому-нибудь. Досадно, но это так. Я не могу разорваться и вынужден действовать в интересах и клиентов, и семьи, и собственных.

Раздумывая, стоит ли браться за какое-то дело, я вынужден тщательно взвешивать связанные с ним трудности и пользу, которую успешный результат может принести родным жертвы. Первым делом я мысленно провожу беглый анализ, начиная с момента, когда о преступлении узнали. Затем спрашиваю себя, какую информацию, скорее всего, смогу получить: кто захочет со мной разговаривать, будут ли они говорить открыто? Что они смогут сообщить? Если никто не захочет разговаривать — особенно это касается старых дел, — с самого начала я могу зайти в тупик.

Наконец, я вынужден спросить себя: как можно продвинуть расследование дела? Действительно ли удастся прийти к какому-то заключению? Есть ли какие-то неотработанные полицией версии? И самое главное — не дам ли я родным жертвы ложную надежду, взявшись за дело? Если мне кажется, что вряд ли смогу внести какой-то существенный вклад, я отказываюсь от дела. Знаю, что не позволю себе никого под-

вести, но чтобы не обмануть ожидания родственников жертвы, всегда подробно объясняю им границы возможного.

С самого начала я даю обещание сделать все от меня зависящее, чтобы узнать как можно больше. Никогда не гарантирую, что результаты моей работы приведут к судебному процессу, но, положив руку на сердце, могу сказать, что по каждому делу, за которое я брался, всегда удавалось найти какую-нибудь новую информацию.

Я быстро понял, что ошибочно полагать, будто полиция проработала все возможные версии, проводя расследование, и научился не доверять их результатам. Не потому, что сомневался в компетентности рядовых сотрудников полиции, а потому что знал, что старший следователь бросит все ресурсы на расследование самой правдоподобной версии, из-за чего дело может пойти по ложному следу.

Если говорить о полиции, мне кажется, огромное значение имеет личный контроль над проведением расследования, которого в их работе практически нет. Каждое свое дело я полностью контролирую лично. Я подбадриваю людей, работающих со мной, и клиентов, которым помогаю. Объясняю, что могу сделать, а что нет. В полицейском расследовании участвует огромное количество людей, и у каждого из них собственные обязанности, в то время как руководство одновременно заведует сразу несколькими делами. По мере расследования что-то или кто-то непременно упускается из виду, оно проводится гораздо менее тщательно, поскольку полицейские одновременно выполняют слишком много задач. Отчетность постоянно подделывается — в наши дни полиция полностью зависит от финансирования.

Мне ни о чем из этого переживать не приходится — я либо получаю деньги, чтобы делать свою работу, либо нет. В рамках официального расследования, проводимого полицией, при отсутствии денег следственные мероприятия попросту нельзя будет провести. К сожалению, в наши дни полиция берется за дело лишь при наличии подозреваемого. Что ж, считайте меня старомодным, но мне кажется, что для поиска подозреваемых расследование и проводится. Порой мне действительно достаются дела, к которым прилагается список подозревае-

мых, но чаще всего мое расследование призвано найти новые доказательства. Когда говорят, что дело следует закрыть из-за отсутствия подозреваемых, я считаю, что упускается из виду сама суть расследования.

Таким образом, согласившись взяться за дело, я прежде всего знакомлюсь с полицейской документацией, стараясь относиться к ней максимально скептически. Как только у следователя появляется какая-то теория о личности преступника, разубедить его уже не так-то просто. Я задаю вопрос: что полицией было сделано и что нет? Это особенно важно, когда речь идет о нераскрытых делах. Кроме того, прошедшие с момента совершения преступления годы (не говоря уже о совершенствовании методов работы полиции и криминалистов) позволяют мне взглянуть на общую картину со стороны и сделать объективные выводы.

Дальше все просто. Я никогда заранее не составляю мнение о совершенном преступлении или ответственных за него людях, а иду по следу имеющихся доказательств. Нет необходимости спешить прийти к какому-нибудь заключению, пока не произойдет что-то ужасное — это уже произошло. Я могу

ПЕРВЫМ ДЕЛОМ Я ЗНАКОМЛЮСЬ С ПОЛИЦЕЙСКОЙ ДОКУМЕНТАЦИЕЙ, ХОТЯ ОТНОШУСЬ К НЕЙ МАКСИМАЛЬНО СКЕПТИЧЕСКИ.

спокойно изучить все имеющиеся данные и понять, кто или что было упущено из виду. Практически все преступления — будь то убийство, насилие, ограбление или кража — имеют два основных аспекта: доступ и возможность. У кого был доступ к жертве? У кого была возможность? На этом этапе я особо

не заостряю внимание на мотиве, поскольку не считаю его эффективным инструментом раскрытия преступлений: понимание причин произошедшего приходит позже.

В рамках дел, описанных в этой книге, я подробно объясню, как занимаюсь поиском подозреваемых, нахожу связи между зацепками. Расскажу об имеющихся в распоряжении инструментах, позволяющих прочесывать самые потайные уголки интернета; и о том, как прибегаю к помощи разных людей, с которыми наладил контакты за годы работы в поли-

ции, — это люди по обе стороны закона. Есть среди них и те, кто открывает для меня двери, позволяющие продвинуться в расследовании — в полиции у меня такой возможности попросту не было. Раскрою свои методы убеждения людей, желающих хранить молчание. Я даю понять, что их секреты останутся между нами, и им не будет грозить никакое судебное преследование — будь я по-прежнему полицейским, разумеется, не мог бы на такое пойти.

**Я НЕ СОСТАВЛЯЮ ЗАРАНЕЕ
МНЕНИЕ О СОВЕРШЕННОМ
ПРЕСТУПЛЕНИИ ИЛИ ОТВЕТ-
СТВЕННЫХ ЗА НЕГО ЛЮДЯХ.**

В каждом расследовании я четко знаю, чего хочу добиться и представляю, как это сделать. Кроме того, я неплохо умею импровизировать, и в случае непредвиденных обстоятельств быстро придумываю, как на них среагировать. Мое преимущество в том, что прежде я работал в полиции, и со многими ситуациями так или иначе сталкивался — будь то в процессе подготовки, во время работы или уже в качестве журналиста-расследователя. Это помогает мне найти оптимальное решение при любом стечении обстоятельств.

Следует отметить, что поскольку я веду одновременно несколько дел — и по каждому расследованию находится на своей стадии, — некоторые из рассказанных здесь историй останутся незавершенными. Это для меня обычное дело: отдельные преступления так никогда и не удастся раскрыть полностью. Не всегда есть возможность дать родным жертвы ответы на все интересующие их вопросы. Убийца может быть осужден за преступление, даже сознаться в нем, но так и не рассказать, где захоронено тело или как именно расправился с жертвой. Родным из-за этого может быть крайне тяжело.

Эта книга рассказывает о моей погоне за справедливостью. Во многих случаях мне удастся добиться обвинительного приговора. Вместе с тем моя работа может продемонстрировать масштабы криминальной деятельности человека, которому предстоит предстать перед судом, либо уже сидящего в тюрьме, либо (в редких случаях) уже умершего. Так